

На правах рукописи

Булатова Алсу Магсумовна

**ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОНЦЕПТА СТРАХ
В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2015

Работа выполнена на кафедре германской филологии федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Научный руководитель – **Колпакова Галина Васильевна**

доктор филологических наук, доцент,
доцент кафедры германской филологии
ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»

Научный консультант – **Кулькова Мария Александровна**

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры германской филологии
ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»

Официальные оппоненты – **Нефёдова Любовь Аркадьевна**

доктор филологических наук, профессор,
зав.кафедрой лексики и фонетики немецкого
языка ФГБОУ ВПО «Московский педагогический
государственный университет»

Султанова Алина Петровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры
иностранных языков ФГБОУ ВПО «Казанский
национальный исследовательский технический
университет им. А.Н.Туполева»

Ведущая организация – ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный
университет (г.Уфа)

Защита диссертации состоится «17» февраля 2015 г.
на заседании Диссертационного совета Д 212.081.05 при ФГАОУ ВПО
«Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420021, г.
Казань, ул. Татарстан, д. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им.
Н.И.Лобачевского ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный
университет». Электронная версия автореферата размещена на сайте ФГАОУ
ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет». Режим доступа:
[http: //www.kpfu.ru](http://www.kpfu.ru).

Автореферат разослан « » _____ 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук, доцент

И.В. Ерофеева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертационная работа посвящена изучению лексических и фразеологических средств вербализации эмоционального концепта „Angst“ – «страх» в немецком и русском языках. Работа выполнена в русле системно-структурного и когнитивного подходов к языку, позволяющих определить механизмы формирования и функционирования эмоциональных концептов и их языковых репрезентаций в тексте.

Актуальность работы продиктована необходимостью выявления этноспецифических особенностей языковой реализации эмоциональных концептов, в частности, установления общих и различных черт в языковых способах объективации концепта „Angst“ – «страх» в немецком и русском языках.

Объектом настоящего диссертационного исследования является эмоциональный концепт СТРАХ, а также лексические и фразеологические средства вербализации данной эмоции в лексикографических источниках и публицистическом дискурсе.

В качестве **предмета** исследования выступают общие и специфические особенности, а также сходства и отличия средств вербализации эмоции страха в сопоставляемых языках.

Цель исследования заключается в проведении сопоставительного анализа лексических и фразеологических средств объективации исследуемого концепта в немецком и русском языках с последующим выявлением схожих и этноспецифических особенностей эмоции страха.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) проследить этапы становления и формирования концепта „Angst“ – «страх» в немецкой и русской культуре, опираясь на данные культурологии, психологии, философии;
- 2) рассмотреть синонимические ряды концепта „Angst“ и «страх» в немецком и русском языках на основе анализа лексикографических источников, а также установить их сходства и отличительные особенности;
- 3) изучить семантические взаимосвязи между синонимическими единицами эмоционального концепта в обоих языках, а также дифференциальные признаки структуры и содержания рассматриваемого концепта;
- 4) выявить фразеологические средства объективации эмоции в немецком и русском языках на основе фразеографических источников;
- 5) построить лингвокогнитивную модель эмоционального концепта в лексико-фразеологической системе сопоставляемых языков;
- 6) определить специфические особенности метафорического осмысления концепта „Angst“ – «страх» в немецкой и русской лингвокультурах;

7) проанализировать лексические и фразеологические средства вербализации эмоции в немецко- и русскоязычных публицистических текстах;

8) провести психолингвистический эксперимент среди германских и российских студентов с целью определения особенностей языковой картины мира, а также сходств и различий в языковом сознании обоих народов.

Научная новизна исследования объясняется комплексным характером изучения лексико-фразеологических средств объективации эмоции страха в немецкой и русской лингвокультурах. Впервые детальному анализу подвергаются лексические и фразеологические средства в публицистическом дискурсе на основе немецко- и русскоязычных текстовых корпусов, всесторонне описываются синонимические ряды немецкой лексемы „Angst“ и русской лексемы «страх», выявляются этноспецифические особенности объективации эмоции страха в сопоставляемых культурах и языковых картинах мира.

Степень разработанности темы. Анализ теоретической литературы по данной проблематике позволил установить, что до настоящего времени практически отсутствуют сопоставительные исследования лексико-фразеологических средств вербализации эмоции страха в немецкой и русской лингвокультурах, а также их объективации в публицистическом дискурсе обоих языков. Эмоциональный концепт СТРАХ становился объектом исследования в диссертационных работах Н.В.Аблецовой («Языковая репрезентация концепта ANGST», 2005 г.), Г.С.Бородкиной («Концепты „Angst“ и „Freude“ в семантическом пространстве языка», 2002 г.), Е.Ю.Бутенко («Концептуализация понятия «страх» в немецкой и русской лингвокультурах», 2006 г.), Л.В.Воронина («Концепт «страх» в русском и немецком языках: контрастивный анализ на материале произведений М.Булгакова, К.Тухольского и их переводов на английский язык», 2005 г.), С.В.Зайкиной («Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах», 2004 г.), И.А.Волостных («Эмоциональные концепты «страх» и «печаль» в русской и французской языковых картинах мира», 2007 г.). Тем не менее, необходимо отметить, что лексико-фразеологические средства вербализации эмоционального концепта СТРАХ в публицистическом дискурсе ранее практически не подвергались описанию либо изучены недостаточно, тем более в сопоставлении немецкого и русского языков.

Теоретической базой исследования послужили основные положения когнитивной лингвистики, разрабатываемые в трудах зарубежных (М.Блэк, Х.Блюменберг, Д.Дэвидсон, Дж.Лакофф, Дж.Серль, А.Хенигсбергер, и др.) и отечественных (Н.Ф.Алефиренко, Ю.Д.Апресян, Н.Д.Арутюнова, А.Н.Баранов, Л.М.Зайнуллина, В.И.Карасик, Е.С.Кубрякова, Д.С.Лихачев, В.А.Маслова, З.Д.Попова, М.И. Солнышкина, Ю.С.Степанов, И.А.Стернин и др.) лингвистов. Кроме того, в ходе подготовки диссертации привлекались труды по эмотивной лингвистике (Л.Г. Бабенко, С.Г.Воркачев, Н.А. Красавский, В.И. Шаховский и др.), фразеологии и паремиологии (Н.Ф.Алефиренко, Е.Ф.Арсентьева, Р.А.Аюпова, Л.К.Байрамова, А.В.Кунин, Г.Л.Пермяков, З.К.Тарланов,

Н.Н.Фаттахова и др.), а также работы отечественных и зарубежных авторов по философии и психологии (С.Кьеркегор, З.Фрейд, М.Хайдеггер и др.).

Материалом исследования послужили данные немецкоязычных толковых, синонимических, этимологических словарей (Duden 2 Bedeutungswörterbuch, Duden 8 Das Stilwörterbuch, Duden Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten, Pons Deutsche Idiomatik, Wahrig Deutsches Wörterbuch, Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm, электронный словарь синонимов немецкого языка на базе Лейпцигского университета [<http://wortschatz.uni-leipzig.de/abfrage/>], электронный словарь синонимов немецкого языка Woxicon Synonyme, словарь синонимов И.В.Рахманова, фразеологические и паремиологические словари под редакцией Л.Моритца, В.М.Штраймеля, Х.Байера, А.Байер. Русскоязычный фактологический материал был извлечен из толкового словаря русского языка под редакцией Д.Н.Ушакова, словаря Т.Ф.Ефремовой [<http://www.nashislova.ru/efremovoy2/18/>], словарь В.И.Даля [<http://slovardalja.net/>], этимологического словаря М.Фасмера [<http://vasmer.narod.ru/p605.htm>], словаря С.И.Ожегова (1986). Кроме того, привлекались данные словарей русских пословиц и поговорок под редакцией В.И.Даля, В.И.Зиминой, И.М.Снегирева, М.А.Рыбниковой и др., Большого психологического словаря [<http://psychological.slovaronline.com/>] и других электронных словарей: русского идеографического словаря [<http://www.slovari.ru/>], словаря русских синонимов [<http://jeck.ru/tools/SynonymsDictionary/страх>]. В ходе анализа публицистического дискурса были использованы немецко- и русскоязычные текстовые корпуса: DWDS [www.dwds.de], LIMAS [www.korpora.org/Limas/index.htm], OWID [www1.ids-mannheim.de/lexik/owid-computerlexikographie.html], RUSCORPORA [[www.ruscorpора.ru/](http://www.ruscorpورا.ru/)]. Материалом исследования также послужили результаты ассоциативного эксперимента, проведенного с носителями языка.

Основными **методами исследования** выступают: метод дефиниционного, контрастивного, этимологического, сопоставительного анализа, ассоциативный эксперимент, метод интерпретации, интроспекции и компонентно-семантического анализа, методы элементарной статистики.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется постановкой и решением ряда теоретических проблем концептологии, необходимостью многомерного осмысления эмоционального концепта Angst – страх, его философской, этимологической и психологической составляющих. Рассмотрение особенностей выражения данного эмоционального концепта в языке и речи отдаленно родственных языков, изучение национально-культурных особенностей и интерференций в языковом сознании немецкого и русского народа является определенным вкладом в дальнейшее развитие сопоставительных исследований эмоциональных концептов.

Практическая значимость научного исследования определяется тем, что материалы и результаты исследования могут быть применены в практике вузовского преподавания курсов по культурологии и лингвокультурологии, психолингвистике, лексикологии, фразеологии, паремиологии, когнитивной лингвистике, страноведении, практических курсах немецкого и русского языков, перевода, а также в лексикографической практике при сопоставлении фразеологических, синонимических одноязычных и двуязычных словарей.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. В немецкой и русской лингвокультурах эмоциональный концепт СТРАХ является одной из базовых ментальных единиц, участвующих в когнитивно-эмоциональном освоении окружающей действительности. Данный концепт представляет многомерное ментальное образование со сложной структурной организацией, описание которого возможно лишь в ходе интегрированного изучения его философской, психологической, языковой сущности.

2. Представляя ментальную единицу коллективного знания, эмоциональный концепт СТРАХ обладает этнокультурной спецификой, что находит отражение в количественных и качественных несоответствиях его номинантов в немецком и русском языках.

3. В структуру лексико-семантического поля «Страх» в немецком и русском языках входят ядерная и околожерная зоны, представленные базовыми лексемами, наиболее точно и полно номинирующими эмоцию страха, а также ближняя, дальняя и крайняя периферии, к которым относятся косвенные наименования страха с менее четкой семантической связью между номинантами, в том числе устойчивые конструкции, пословицы, поговорки и т.д.

4. При изучении номинативных средств объективации эмоционального концепта СТРАХ представляется обоснованным применение «психонетического принципа», действие которого можно детально проследить в ходе психолингвистического эксперимента. Выявлению наиболее типичных признаков эмоционального концепта СТРАХ способствуют анализ частотности употребления номинантов, характеризующих / вызывающих состояние страха, а также анализ содержания ассоциативных рядов эмоции страха.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в статьях и тезисах, представленных на международных, всероссийских, общероссийских научных конференциях, на ежегодных итоговых научных конференциях в Казанском федеральном университете, на международных семинарах: научно-образовательная конференция студентов Казанского государственного университета (Казань, 2010 г.); II Всероссийская научная конференция «Научное творчество XXI века» с международным участием (Красноярск, 2010 г.); Международная научно-практическая конференция «Германистика на рубеже тысячелетий» (Набережные Челны, 2010 г.); III Общероссийская научно-практическая конференция «Современные исследования социальных проблем» (Красноярск,

2010 г.); I Всероссийская научно-практическая конференция «Германистика сегодня: контексты современности и перспективы развития» (Казань, 2012 г.); VIII Общероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Современные исследования социальных проблем» (Красноярск, 2013 г.); Международная научно-практическая конференция «Русская и сопоставительная паремиология» (Казань, 2013 г.); The 1st International Congress on Social Sciences and Humanities (Вена, Австрия, 2013 г.); Научный семинар «Analyse der Metaphorik im Zuwanderungsdiskurs anhand mündlicher Sprachdaten» (Лейпциг, Германия, 2012 г.); Seminar für die Lomonosov- und Kant-Stipendiaten 2012/2013 (Бонн, Германия, 2012 г.); Научный семинар стипендиатов программ «Михаил Ломоносов» и «Иммануил Кант» 2012/2013 (Москва, 2013 г.); IV Международная научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов «Современная российская наука глазами молодых исследователей» (Красноярск, 2014 г.). По теме диссертации опубликовано 15 работ, в том числе 4 статьи в журналах, рекомендованных ВАК РФ. Проект исследования был удостоен гранта Министерства образования и науки РФ совместно с Германской службой академических обменов (DAAD) в 2012 и 2014 гг.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и четырех приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность диссертационной работы, формулируются цель и задачи исследования, выносятся основные положения на защиту, указываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертационной работы, обозначаются предмет и объект исследования, отмечаются теоретическая база и источники материала исследования, методы изучения, дается краткая характеристика степени разработанности темы исследования,

В **первой главе** «Эмоциональный концепт и основные подходы к его исследованию» рассматриваются теоретические подходы к изучению концепта как базового понятия когнитивной лингвистики. В теории лингвистики выделяют три основных подхода к пониманию концепта. Согласно первому подходу (представителями являются А.Вежбицкая, Ю.С.Степанов и др.), условно обозначенному как культурологический, концепт рассматривается как ментальная ячейка культуры в языковом сознании человека, с одной стороны, и то, посредством чего человек сам входит в культуру и влияет на нее, с другой стороны [Степанов 2001: 40 – 41]. Представители второго подхода, когнитивного, (Е.С.Кубрякова, А.А.Павлова и др.) указывают на важную роль языка, памяти для восприятия, хранения и передачи ментальной информации, которая передается в виде неких «квантов» знания (концептов). Приверженцы третьего подхода, комплексного, (представителями являются Д.С.Лихачев, С.А.Аскольдов и др.) различают два самостоятельных понятия: «когнитивный

концепт» и «лингвокультурный концепт». Под лингвокультурным концептом понимается «условная ментальная единица, направленная на изучения языка, сознания и культуры» [Карасик 2001: 75]. В нашей работе мы придерживаемся второго подхода к пониманию концепта. Иными словами, мы рассматриваем концепт как некую совокупность вербальных и невербальных знаний, актуализирующихся в сознании носителя языка.

Язык является не только орудием культуры, но и орудием эмоции, представляющей собой специфическую форму человеческого отношения к миру. Нас же интересует его языковая интерпретация. В процессе коммуникации мысли и эмоции сливаются. Вне зависимости от культурных различий каждая языковая личность переживает одни и те же базовые эмоции, и это объединяет представителей разных культур. Однако глубина переживания и интенсивность базовых эмоций у разных народов различаются, что указывает на уникальность каждого человека. Так, согласно В.И.Шаховскому, эмоциональные концепты могут быть как универсальными, так и неуниверсальными, или этноспецифичными [Шаховский 2001]. Универсальность эмоционального концепта можно объяснить тем, что эмоции «являются центральной частью жизни человека, которые и делают представителей разных этносов более или менее похожими друг на друга» [Шаховский 1996: 87]. Кроме того, все базовые эмоции обладают схожей психологической природой и в равной степени переживаются человеком независимо от культурной принадлежности. По мнению Н.А.Красавского, любая эмоция является «общедоступной», открытой для «переживания человека вне зависимости от каких бы то ни было культурных параметров этнического и языкового свойства» [Красавский 2008: 28]. Но, с другой стороны, характерным для эмоционального концепта является этноспецифичность, обусловленная «индивидуальным эмоциональным трендом и национальным индексом данной культуры» [Шаховский 1996: 86]. Понимание эмоции напрямую зависит от типа культуры, а также этнической и лингвистической принадлежности человека [Красавский 2008: 27].

Для изучения этнокультурной специфичности исследуемой нами базовой эмоции страха мы рассматриваем вербализацию представленного концепта как на лексическом, так и на фразеологическом уровнях. Данный факт свидетельствует о том, что исследуемая нами эмоция является универсальной для сопоставляемых лингвокультур. Однако выявленные нами в ходе анализа количественные и качественные несоответствия номинантов эмоционального концепта Angst – страх в немецкоязычных и русскоязычных лексикографических источниках, различия в средствах и способах объективации эмоционального состояния страха в обоих языках позволяют говорить об этноспецифичности и уникальности разных лингвокультур. Именно эти несоответствия помогут лучше понять особенности функционирования изучаемого концепта в сознании носителей немецкого и русского языков и дать наиболее полное представление о нем, его признаках в понимании представителей различных языковых коллективов. Таким образом,

в ходе нашей работы мы опираемся на следующее определение эмоционального концепта, приводимое Н.А.Красавским: «эмоциональный концепт – это этнически, культурно обусловленное, структурно-смысловое, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо самого понятия образ, культурную ценность» [Красавский 2001: 60].

Вслед за В.И.Шаховским мы выделяем среди языковых единиц, выражающих эмоциональное состояние, номинативные и дескриптивные. Следует отметить, что мы разделяем точку зрения А.В.Кунина о принадлежности пословиц и поговорок к коммуникативному типу фразеологических единиц. Вслед за ученым мы склонны относить паремии к фразеологическому фонду.

Табл. 1

Номинативные единицы	Дескриптивные единицы		
	Метафорические выражения	Фразеологические единицы	Паремиологические единицы
<p>- номинанты эмоции выступают в функции объекта действия: <i>Angst bekommen; Angst machen; Angst kriegen;</i></p> <p><i>испытывать страх; нагнать страху и др.;</i></p> <p>- номинанты эмоции выступают в функции субъекта действия: <i>die Angst schüttelt ihn; страх сковывает; страх пронизывает и др.</i></p>	<p><i>Angst verbittert das Leben; Furcht lähmt;</i></p> <p>мороз по коже пробежал; испуг окатил меня ледяным душем; страх прожигает насквозь и др.</p>	<p><i>Die Haare stehen zu Berge; vor Schreck die Sprache verlieren;</i></p> <p>волосы дыбом встали; поджилки дрожат и др.</p>	<p><i>Wer den Tod fürchtet, der verliert sein Leben; Zu Tod erschrocken ist auch gestorben; Медведя бояться, так ягод не видать и др.</i></p>

Во второй главе «Изучение эмоционального концепта СТРАХ по лексикографическим источникам и экспериментальным данным» описываются синонимические ряды номинантов эмоционального концепта ANGST/СТРАХ в немецком и русском языках, проводится подробный анализ фразеологических средств, вербализующих эмоцию страха в сопоставляемых языках, в результате которого была построена лингвокогнитивная модель эмоционального концепта СТРАХ в лексико-фразеологической системе немецкого и русского языков. В главе приводятся результаты психолингвистического эксперимента как метода определения образной составляющей эмоции страха.

Анализ данных немецко- и русскоязычных словарей позволил выделить количественные и качественные несоответствия. Синонимами слова «Angst» в немецком языке выступают 87 наименований, в то время как синонимами слова

«страх» в русском языке являются 29 словарные единицы (почти в 3 раза меньше). Синонимические ряды, выявленные нами в сопоставляемых языках, также представлены различным количеством синонимических единиц. Синонимический ряд концепта „Angst“ в немецком языке составляют 11 наименований: *Angst* (страх), *Beklemmung* (стеснение, сжатие), *Furcht* (ужас), *Entsetzen* (ужас), *Grausen* (ужас, страх), *Panik* (паника), *Grauen* (ужас, страх, боязнь), *Schreck* (испуг, страх, ужас), *Schauer* (ужас, дрожь), *Schrecken* (ужас, испуг), *Scheu* (страх, боязнь, робость); синонимический ряд концепта «страх» в русском языке представлен 6 синонимическими единицами соответственно (боязнь, испуг, кошмар, паника, жуть, ужас). Такое количественное преобладание синонимических единиц, номинирующих эмоцию страха в немецкой лингвокультуре, может свидетельствовать о более детальном членении внеязыкового континуума, в котором отдельные психологические особенности и характеристики базовой эмоции получают в языке специальное имя.

С точки зрения лексико-семантического состава в немецком языке синонимическими единицами могут выступать сложные имена существительные (компози́ты), что является характерным для грамматики немецкого языка и не свойственно для русского языка.

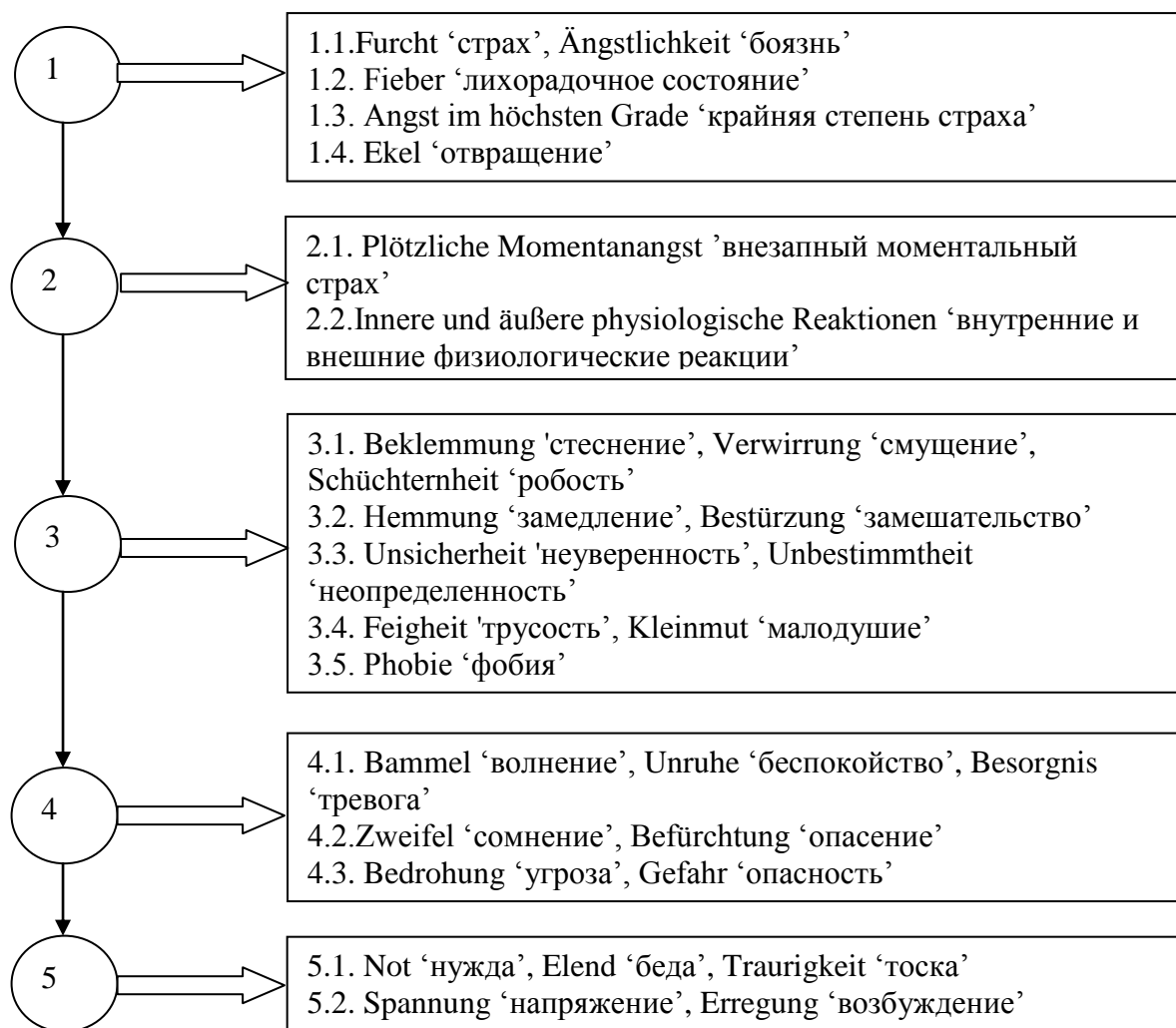
Табл. 2

Немецкий язык	Русский язык
<p>- простые слова: <i>Furcht</i> (‘страх’), <i>Panik</i> (‘паника’), <i>Bange</i> (‘страх’, ‘боязнь’), <i>Schiss</i> (‘страх’);</p> <p>- сложные слова (компози́ты):</p> <p>→ Substantiv + „-angst“: <i>Todesangst</i> (‘страх перед смертью’, ‘смертельный страх’), <i>Heidenangst</i> (‘ужасный страх’);</p> <p>→ Substantiv + „-fieber“: <i>Lampenfieber</i> (‘волнение, испытываемое перед выходом на сцену’), <i>Reisefieber</i> (‘волнение перед дорогой’);</p> <p>→ Substantiv + „-sauen“: <i>Fracksauen</i> (‘страх’);</p> <p>→ Substantiv + „-traum“: <i>Alptraum</i> (‘кошмар’, ‘ужас’), <i>Angsträume</i> (‘кошмар’, ‘ужас’);</p> <p>→ Substantiv + Verb: <i>Zähneklappen</i> (‘лязганье зубами’), <i>Herzklopfen</i> (‘биение сердца’);</p> <p>- субстантивированные глаголы: <i>Zittern</i> (‘дрожь’), <i>Grauen</i> (‘ужас’, ‘страх’), <i>Erbeben</i> (‘дрожь’).</p>	<p>- простые слова: <i>жуть</i>, <i>паника</i>, <i>страсть</i>, <i>тревога</i>, <i>трепет</i>, <i>прещенье</i>, (прост., <i>угроза</i>, <i>наказание</i>), <i>ужас</i> (прост., <i>ужас</i>), <i>жах</i> (м.южн.зап., <i>страх</i>, <i>ужас</i>, <i>испуг</i>, <i>робость</i>), <i>жуда</i> (прост., <i>страх</i>, <i>ужас</i>), <i>абдраган</i> (каз., <i>тат.</i>, <i>страх</i>, <i>испуг</i>, <i>боязнь</i>), <i>менжа</i> (разг., <i>страх</i>, <i>ужас</i>, <i>волнение</i>);</p> <p>- однокоренные синонимы: <i>испуг-перепуг</i>, <i>фобия-фобос</i>, <i>опасение-опаска</i>, <i>ужас-ужас</i>, <i>боязнь-боязливость</i>, <i>малодушие-малодушность</i>.</p>

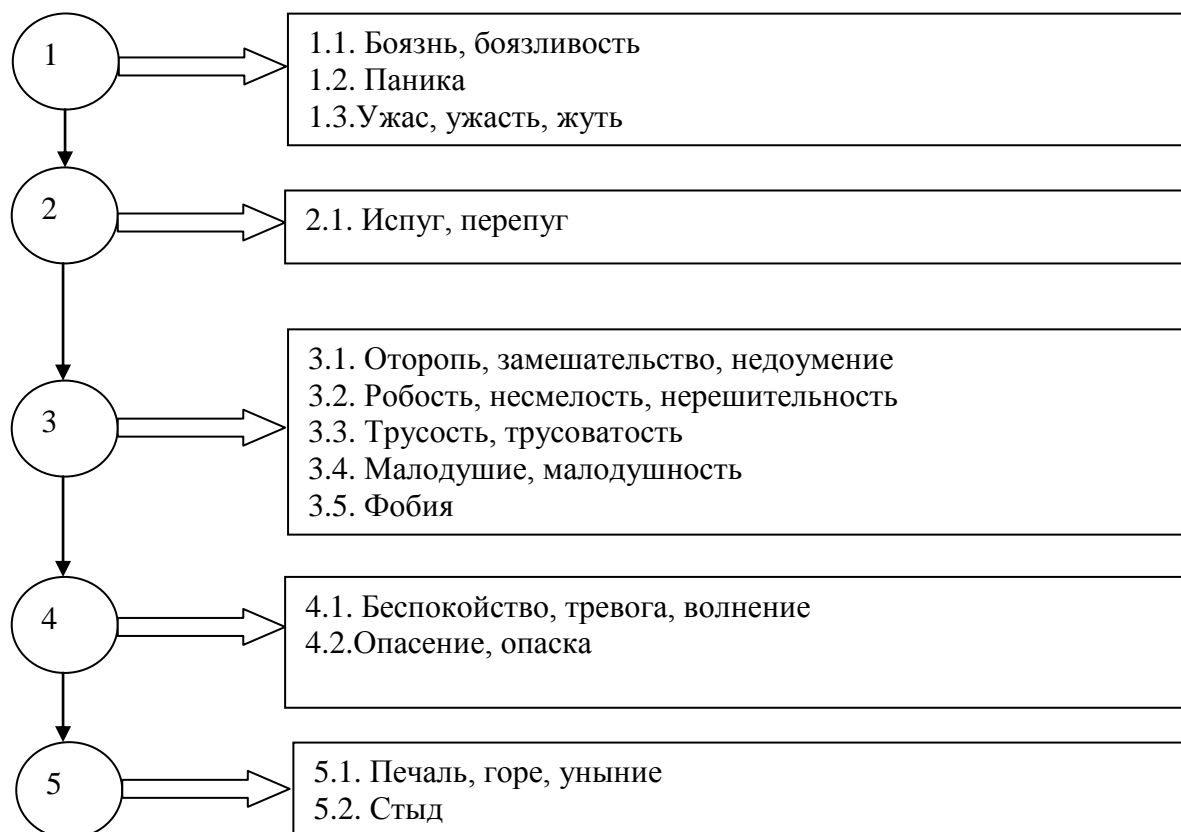
Большое число синонимических единиц лексемы „Angst“ в немецком языке составляют собственное лексико-семантическое поле, которое включает в себя: 1) ядро; 2) околоядерную зону; 3) ближнюю периферию; 4) дальнюю периферию и 5) крайнюю периферию.

Синонимические единицы в данном лексико-семантическом поле расположены по мере убывания и ослабления интенсивности чувства выражения страха. Так, ядро включает в себя семантические группы, которые наиболее точно и полно выражают эмоциональное состояние страха. Чем дальше от ядра, тем менее четкая семантическая связь прослеживается между синонимами. Наименования дальней и крайней периферий выражают не само чувство страха, а лишь слабое его проявление и психологическое отношение к данной эмоции.

Схема 1

Синонимические единицы лексемы „страх” в русском языке также представлены в виде лексико-семантического поля, состоящего из: 1) ядра; 2) околоядерной зоны; 3) ближней периферии; 4) дальней периферии и 5) крайней периферии.

Далее во второй главе проводится подробный анализ фразеологических средств, объективирующих эмоциональный концепт СТРАХ в немецкой и русской лингвокультурах. В ходе сбора, систематизации и изучения фактологического материала нами было проанализировано 930 фразеологических единиц в русском и немецком языках (480 русских и 450 немецких), в результате чего было выделено 9 тематических групп, репрезентирующих эмоциональный концепт «страх» в сопоставляемых лингвокультурах: Страх – отрицательная эмоция, оказывающая негативное влияние на человека; Страх – бессмысленная неоправданная эмоция; Демонстративное проявление храбрости и смелости; Страх находит осмысление через смерть; Физиологические реакции на состояние страха; Страх как причина бегства/спасения от страха; Страх соотносится с риском; Религиозное восприятие страха; Наведение страха (угроза).

Релевантным для обеих лингвокультур является такой признак, как «осуждение страха», что находит воплощение в близких по образному содержанию паремиях: *Wer aus Furcht davonläuft, fällt in die Grube* / Где робость – там и пропасть; *Erschrockene sind schon halb geschlagen* / Страх хуже смерти. Следует отметить, что в языковом сознании немецкого народа, в отличие от представлений о данной базовой эмоции у русских, страх имеет не только негативный характер, но также оказывает положительное влияние на человека. Перед лицом опасности человек становится более осмотрительным и осторожным в своих поступках, тем самым избегая неприятных ситуаций и

несчастных случаев. Страх, своего рода, выступает «хранителем, защитником»: *Furcht ist der beste Hüter; Furcht macht klug; Furcht und Scham hindern viel Unfall.*

В сознании носителей русского языка отмечается такой аспект исследуемого концепта, как бессмысленность страха, что актуализируется в значении 'не следует ничего бояться, поскольку в данной ситуации страх не несет никакой опасности и не представляет никакой угрозы для жизни человека и для его здоровья'. Бессмысленный страх находит яркое воплощение в русских пословицах и поговорках: *Треску бояться – в лес не ходить; Волка бояться – и от белки бежать.* Идейное содержание представленных пословиц заключается в том, что если чего-то бояться, то не следует начинать какое-либо дело, а значит, не рассчитывать на успех.

Не менее интересным представляется нам группа пословиц и поговорок, иллюстрирующих демонстративную храбрость и смелость. Данный семантический признак находит языковое отражение в пословицах и поговорках русского языка. Представители русской культуры часто демонстрируют свое бесстрашие и свою храбрость, не являясь в действительности таковыми.

Анализ фразеологических единиц позволяет нам выделить 5 способов проявления демонстративной храбрости:

1. Человек сознательно демонстрирует бесстрашие: *Дома петух, а на улице цыпленок;*
2. Человек демонстрирует бесстрашие в силу своей безалаберности, ничего не предпринимает, чтобы предотвратить надвигающуюся опасность: *И ухом не ведет;*
3. Проявление демонстративной храбрости характерно для человека, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, который не в силах определить степень опасности: *Пьяному и море по колено; Разбитной малый;*
4. Человек демонстрирует бесстрашие по причине своей глупости и недалекого ума: *Ему всё трыв – трава; Ему и сам черт не страшен.*
5. Бесстрашие характерно для детей, которое проявляется неосознанно: *Новорожденный котенок и тигра не боится; Ребенок и за лампу хватается.*

Связь страха со смертью является релевантной для немецкой и русской лингвокультур. Образно-ассоциативное представление о смерти в понимании представителей обеих культур в большинстве своем является схожим. Страх смерти присущ каждому человеку, независимо от культурной принадлежности: *Живой смерти боится.* Смерть неизбежна, она является логическим завершением человеческого существования на земле и переходом в другую форму жизни: *Der Tod ist nicht zu fürchten, denn es hat noch niemand erlebt, dass er gestorben ist; Der Tod siegt zu aller Zeit; Бойся, не бойся, а смерть у порога; От смерти не спрячешься.*

Осмысление страха смерти в языковом сознании немцев носит более сложный характер и представлено наиболее яркими и образно-

содержательными пословицами. Так, в сознании немецкоговорящего человека: а) страх смерти осуждается: *Zu Tod erschrocken ist auch gestorben* 'Человек, который испытывает страх перед смертью, прежде всего, отравляет свою жизнь, заставляя себя страдать'; *Wer den Tod fürchtet, der verliert sein Leben* 'Кто боится смерти, то уже «мертв», потерял жизнь, погубив себя страхом перед смертью. Поэтому страх смерти ужаснее, чем сама смерть'; б) отсутствие страха смерти поощряется: *Wer den Tod nicht fürchtet, der fürchtet nichts* 'Кто не боится смерти, тому ничего не грозит'; *Wer den Tod nicht fürchtet, der hat den Sieg in der Tasche* 'Ему нечего бояться, потому что он уже победитель'; в) смерть является спасением от бед: *Fürchte nicht den Tod, er hilft aus aller Not* 'Не бойся смерти, она спасет от всех бед'.

Необходимо отметить, что немецкие пословицы несут глубокий философский характер, наталкивают на размышления и заставляют задуматься о роли страха в жизни человека: *Der Tod ist ein Schrecken der Reichen, ein Scheideweg der Freunde, ein Verlangen der Armen und Betrübten, ein Dieb der Menschen und ein Anfang der Sterbenden* 'Смерть – это страх для богатых, распутье для друзей, желание бедных и разочарованных, смерть отнимает жизнь у людей и является началом нового пути у неживых'.

Высокая частотность употребления отмечается у устойчивых конструкций, отражающих связь страха с физиологическими реакциями, характеризующимися внутренними и внешними изменениями в организме человека. В результате анализа фразеологических единиц в сопоставляемых языках нами было выделено три вида физиологических реакций на состояние страха: внешние, внутренние физиологические реакции и реакция в виде потери дара речи от страха. Если эмоция отличается высокой степенью интенсивности, то лицо человека приобретает бледный оттенок, что находит воплощение в представленных устойчивых выражениях: *Furcht blendet den Richter; Побледнел как мертвец; Лица на нем нет*. Во время страха нередко происходит отток крови, в результате чего человек может не чувствовать своих конечностей. Возникает синдром ватных конечностей или чувство их полного отсутствия, о чем свидетельствуют фразеологизмы: *Der Schrecken ist mir durch alle Glieder gefahren; Ноги подкосились*. Страх может оказывать активное воздействие не только на внутренние и внешние органы, но так же и на характер речи. В состоянии страха человек теряет дар речи и не способен что-либо произнести, о чем свидетельствуют следующие фразеологические единицы: *Ich habe vor Schreck die Sprache verloren; Язык прилип к гортани; Язык за порогом оставил; Слова не доискался*.

Ощущение сильного необоримого страха находит воплощение во фразеологических и паремиологических единицах, вербализующих спасение от чувства страха посредством глаголов *machen*, *уносить*, передающих семантический признак «быстрое передвижение»: *Furcht (Angst, Schrecken) macht Beine; Унести ноги*. Анализ фразеологических словарей показал, что средством номинации страха в русском языке выступают сравнения, связанные: а) с моментальным действием: *Его словно ветром сдуло; Оглянулся, да и был*

таков; б) с птицами: *Как на крыльях улетел; Проскочил – и пера не оставил (обронил)*; в) с водой: *Как водой снесло*.

В немецком языке интерпретация спасения от страха осуществляется путем описания непосредственного влияния данного чувства на человека. Страх является движущей силой, которая приводит в бегство пожилых людей или заставляет человека лезть на стену: *Angst macht auch den Alten laufen; Furcht und Angst machen auch einen alten Mann laufen*.

Таким образом, спасение и бегство как защитная реакция на страх в сознании русскоговорящего и немецкоговорящего человека отличается характером реакции. Так, в языковом сознании русского народа большое значение имеет описание физиологических характеристик и особенностей, в то время как в языковом сознании немцев помимо самого бегства особое внимание уделяется воздействию непосредственно на человека, что подчеркивается употреблением „den Alten“, „einen alten Mann“.

Анализ фразеологических единиц показал, что страх всегда тесно связан с определенной долей риска, так же, как и риск немыслим без ощущения страха и опасения. Немецкий и русский языки располагают пословицами, вербализующими два вида риска: оправданный и неоправданный. Оправданный риск, как правило, приводит к успеху, получению преимуществ в выполнении какой-либо деятельности. Положительная сторона данного вида риска заключается в проявлении смелости, мужества и бесстрашия: *Wer nicht wagt, der nicht gewinnt; Счастье видишь – смелее идешь; Крут бережок, да рыбка хороша*. Неоправданный риск, в свою очередь, приводит к неудаче, ожидаемым потерям и предвещает неблагоприятный исход событий: *alles aufs Spiel setzen; все на одну карту поставить; была не была*.

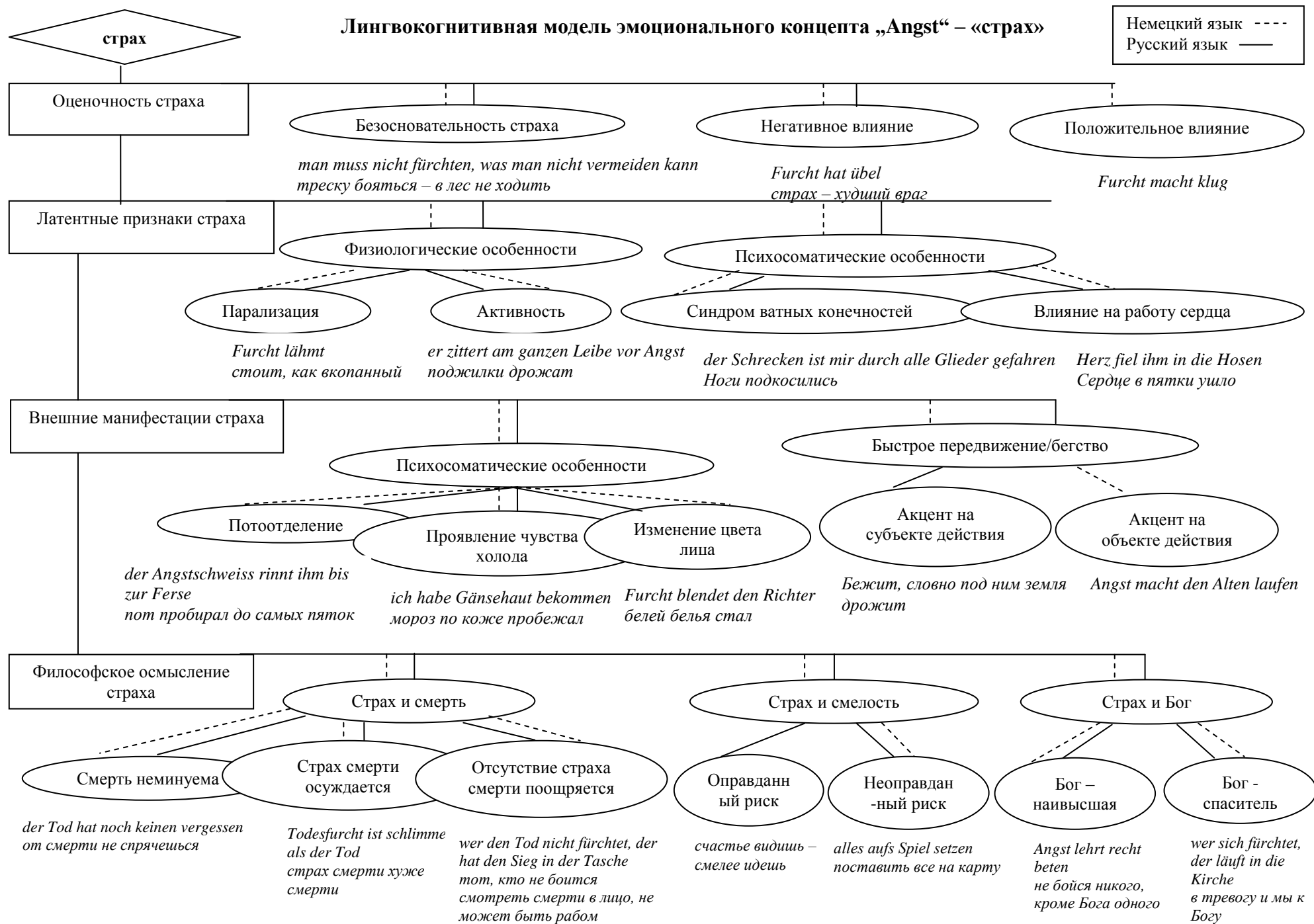
В отличие от языкового сознания немцев, специфичным для представителей русской культуры является вербализация эмоции страха, обладающей семантическим признаком ‘либо всё, либо ничего’, что указывает на кардинальное отношение к успехам и неудачам: *Либо пан, либо пропал; Либо полон двор, либо корень (с корнем)*.

Языковая реализация маркеров страха находит яркое воплощение через религиозное отношение к эмоции: *Angst lehrt recht beten; Никого не боюсь, только Бога боюсь*.

Наведение страха на человека может осуществляться в виде угрозы. В языковом сознании немецкого народа выражение угрозы носит скрытый характер. Для того, чтобы вызвать страх у соперника, следует, прежде всего, позиционировать себя как страшного, безобразного и отвратительного человека: *Wer einen andern erschrecken will, muss sich hässlich stellen ‘Том, кто хочет напугать, своим присутствием должен вызвать отвращение у другого’*.

Во фразеологизмах русского языка угроза, наоборот, носит открытый и агрессивный характер: *Я из тебя все кишки вымотаю; Ты у меня кровью своей умоешься*. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что наведение страха коррелирует с угрозой физической расправы.

Таким образом, в результате проведенного комплексного анализа лексико-фразеологических средств вербализации эмоционального концепта СТРАХ в сопоставляемых языках нами была построена лингвокогнитивная модель эмоционального концепта, в основу которой вошли такие семантические признаки, как оценочность, интенсивность, ненаблюдаемость, внешняя манифестация, философское осмысление.

Для лучшего понимания функционирования концепта „Angst“ – «страх» в языковом сознании представителей сопоставляемых лингвокультур нами был проведен психолингвистический эксперимент.

График 1

Ассоциации, вызываемые словом *страх*, в языковом сознании немецкого народа

Частота ассоциаций респондентов (%)

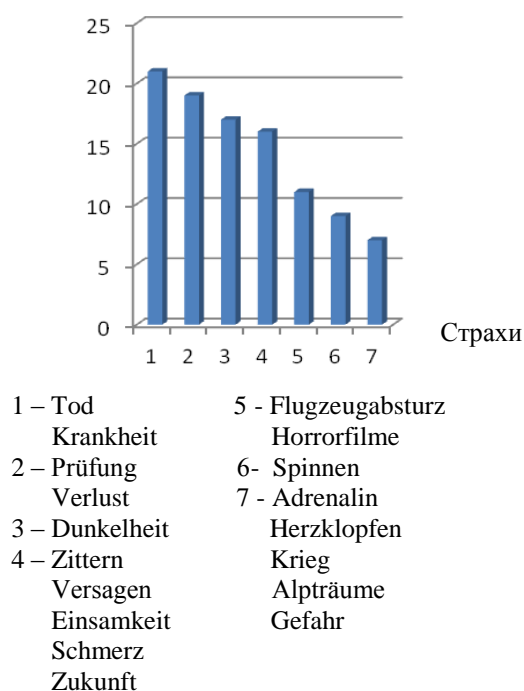

График 2

Ассоциации, вызываемые словом *страх*, в языковом сознании русского народа

Частота ассоциаций респондентов (%)

Согласно проведенному опросу, первую позицию по частотности употребления занимает понятие „Tod“ – «смерть», что связано с универсальным характером страха смерти независимо от национального менталитета. Второе явление, перед которым практически в одинаковой степени испытывают страх представители обеих культур, – это „Dunkelheit“ / «темнота», поскольку человека пугает не само темное пространство или помещение, а неизвестность, которая в ней таится. Далее представления о страхе в обеих культурах расходятся. Для представителей немецкой культуры особое место среди возбудителей страха занимает „Einsamkeit“ ‘одиночество’. Этот факт можно объяснить тем, что представители немецкой культуры менее общительны, чем представители русской культуры. Возможно, поэтому они в большей степени, чем русскоговорящие, испытывают страх перед одиночеством. Представители русской культуры, согласно данным опроса, поместили страх одиночества на последнее место, что, вероятно, обусловлено культурными и национальными особенностями, поскольку носители русского языка открыты в общении, гостеприимны и легко идут на контакт. Немецкоговорящие участники эксперимента в большей степени испытывают страх перед возможной болезнью или утратой близких. Наименее «популярными» источниками страха являются сердцебиение, война, кошмары и

опасность. Промежуточную позицию занимают такие явления как дрожь, отказ/сбой, одиночество, боль, будущее. Среди реакций русскоговорящих участников эксперимента промежуточное положение занимает страх несостоятельности, разочарования, безнадежности, уязвимости, а также страх боли и душевной боли, которая может возникать в результате отказа, предательства, безразличия окружающих, лжи, насмешек. Наименее «популярными» источниками страха являются одиночество, неуверенность и волнение.

В третьей главе «Средства вербализации эмоционального концепта СТРАХ в публицистическом дискурсе» проводится анализ лексических и фразеологических средств вербализации эмоционального концепта в немецкоязычных и русскоязычных публицистических текстах. По нашему мнению, именно эмотивный текст в отличие от словарной дефиниции наиболее полно и ярко может передать оттенки эмотивной семантики слова. Согласно В.И.Шаховскому «только речь является информативной, а язык – код, который должен быть приведен в действие, и что, благодаря речи и тексту, вскрываются все новые и новые имплицитные выразительные силы языка и его номинативные потенции» [Шаховский 1987: 140]. Другими словами, текст является коммуникативной единицей, обладающий эмоциональным компонентом, который, в свою очередь, регулирует отношения с человеческими факторами индивида: эмоциональным, психическим состояниями и др. В качестве материала исследования послужили такие авторитетные немецко- и русскоязычные текстовые корпуса, как DWDS, OWID, LIMAS, RUSCORPORA.

Анализ фактического материала показал, что средствами вербализации эмоционального состояния страха в немецком и русском языках выступают различные части речи: имена существительные, глаголы, имена прилагательные.

Следует отметить, что не все номинанты эмоции находят отражение в публицистическом дискурсе. Наиболее частотными в русском языке являются синонимы, составляющие ядро концепта СТРАХ, среди которых: *страх, ужас, боязнь, испуг, жуть*. В немецком языке таковыми выступают номинанты, составляющие ядро концепта Angst, а именно: *Angst, Furcht, Entsetzen, Erschrecken*. Характерным для сопоставляемых языков является употребление эмоции ANGST/СТРАХ в препозиции (Angst + Präposition / страх + предлог) и постпозиции (Präposition + Angst / предлог + страх).

Не менее продуктивным представляется употребление имен прилагательных, выражающих страх. Анализ показал, что они, как правило, имеют функцию атрибута и образованы путем добавления аффиксов: *-bar, -lich (furchtbar, fürchterlich), -н, -к* (страшный, жуткий). Характерным для русского языка является употребление имен прилагательных, выражающих «продолжительность» и «кратковременность» переживания состояния страха. К атрибутивным прилагательным, иллюстрирующим продолжительность эмоционального состояния мы отнесли: *боязливый, робкий, несмелый*.

Кратковременность и неожиданность иллюстрируют такие прилагательные, как *испуганный*, *напуганный*.

Наибольшая интенсивность и экспрессивность эмоционального состояния находят выражение в немецком языке. Анализ публицистических текстов показал, что характерным для немецкой лингвокультуры является использование прилагательного в функции атрибута, обозначающего состояние страха, например, *furchtbar* 'ужасный', *ungeheuerlich* 'чудовищный', *schrecklich* 'ужасный', *fürchterlich* 'страшный', 'ужасный': *im Volke herrschende furchtbare Angst* ('ужасный страх') *vor den Pilzen*; *Eine ungeheuerliche Angst* ('чудовищный страх'), *wie er sie noch nie erlebt hatte*. В сочетании с лексемой „Angst“ данные прилагательные указывают на наивысшую степень проявления одной из самых сильных эмоций.

Яркое воплощение в газетных статьях находят также глагольные конструкции. С точки зрения семантического содержания мы распределили их на две категории: 1) глаголы, объединенные идеей: «сделать что-либо, что заставит человека испытывать страх, тревогу или опасение кратко- или продолжительное время». В русском языке данные глаголы образованы с помощью префиксов *на-*, *ис-*, *за-* (*напугать*, *испугать*, *запугать*), в то время как в немецком языке используется следующая конструкция: „Angst + Verb“, например, *Angst bringen*, *Angst machen*, *Angst einjagen*; 2) глаголы, указывающие на то, что субъект испытывает страх. В русском языке данное состояние вербализуется с помощью возвратного глагола с суффиксом *-ся* (*испугаться*, *напугаться*). В немецком языке существуют две формы образования возвратной глагольной конструкции: с помощью возвратной частицы *sich* (*sich erschrecken*), с помощью конструкции „Angst + Verb“ (*Angst haben*, *Angst bekommen*).

Как было указано ранее, помимо лексических средств нами были проанализированы и фразеологические средства вербализации эмоции страха. Например: *Angst verbittert das Leben*; *Ich bin vor Angst auf die Wand gerannt*; *Ich hatte Angst in den Hosen*; *Sein Herz zappelte im Leibe*; *У страха глаза велики*; *Страх – лучший помощник*; *Не так страшен черт, как его малюют*; *Не за страх, а за совесть*.

Для большинства фразеологических единиц характерна непроницаемость структуры. Другими словами, не свойственно добавление к ним новых слов. Однако в ходе анализа были обнаружены примеры, в состав которых входили новые компоненты, не зафиксированные в лексикографических источниках (ср.: *Angst macht die Beine* и *Angst macht die Beine leichter* / *Angst macht die Beine schwer*).

В немецкоязычных публицистических текстах фразеологические единицы нередко употребляются в качестве заголовка (*Angst vor Angst*, *Angst macht die Beine schwer*), поскольку заголовок занимает акцентированную позицию и несет основную нагрузку по привлечению внимания читателей.

Характерным для немецкого языка является употребление сложных слов (композигов), что в отличие от русского языка находит воплощение в

публицистическом дискурсе. Композиты, как правило, состоят из двух компонентов, сочетание которых указывает на субъект состояния страха (Angsthase): *Herr Bandelow, sind Fußballprofis eigentlich besonders große Angsthassen?* [<http://www.welt.de/sport/fussball/bundesliga/herthabsc/article106252374/Angst-macht-die-Beine-leichter-und-motiviert.html>].

Анализ фразеологических единиц в немецкоязычном публицистическом тексте показал, что страх может быть амбивалентным. Согласно Л.К.Байрамовой «амбивалентность заключается в неоднозначности отношения человека к окружающему миру, а также в противоречивости системы ценностей» [Байрамова 2011]. Несмотря на то, что данная эмоция парализует и является источником болезней, тем не менее, она оказывает и положительное влияние на человека: *Ist Angst tatsächlich ein schlechter Ratgeber?* [www.spiegel.de/thema/angst/]. Таким образом, данная эмоция может вызывать у человека двойственные противоречивые чувства. Тот факт, что страх обладает как отрицательными, так и положительными характеристиками, свидетельствует о том, что в языковом сознании немцев данная эмоция носит глубокий философский характер.

В ходе анализа немецкоязычных публицистических текстов были обнаружены антипословицы: *hatte ich Angst in den Hosen* [Die Zeit, 07.07.2013 (online)]. Необходимо отметить, что во фразеологическом фонде немецкого языка есть выражение „*Das Herz fiel ihm in die Hosen*“ [http://www.deutsch-uni.com.ru/redewendung/index_slovo.php]. Следовательно, следует полагать, что выражение „*Angst in den Hosen haben*“ в контексте анализируемого примера является трансформацией традиционного выражения, зафиксированного в словарях, и выступает в качестве антипословицы, которая «искажает» известное всем фразеологическое выражение, выступая средством языковой игры. Также интересным представляется тот факт, что немецкое выражение „*Das Herz fiel ihm in die Hosen*“ и русское выражение «*сердце в пятки ушло*» передают общее идейно-образное содержание, но отличаются оттенком значения. В представлении русскоговорящего человека для указания степени страха служит «душа», в то время как в сознании немецкоговорящего человека – «сердце». Такое расхождение еще раз свидетельствует о том, что в русском языке понимание и осознание страха происходит через глубинные переживания и чувства, которые охватывают весь внутренний мир человека. В немецкой культуре осмысление страха происходит в меньшей степени интенсивности и связано с определенным внутренним органом человека – сердцем.

Следует также отметить, что для русского языкового сознания характерны односоставные номинативные предложения с компонентами «как» или «какой (–ая, –ое)», выступающие в качестве распространенного средства выражения эмоционально-оценочного отношения к происходящим событиям. В данном случае лексема «страх, ужас» обладает семантическим признаком «нечто необычное, что приводит в изумление», и выполняет одновременно прагматическую функцию, а именно, обладает как положительными, так и отрицательными характеристиками. Характерным для русского языка является

употребление номинантов страха, обладающих значением «очень», и не передающих негативное эмоциональное состояние (страх как, жуть как, до ужаса, ужас как): Приученный пугать, он сам *жуть как боялся* всяких кнопочек, шумной трубы пылесоса, снующей вверх и вниз кабины лифта [Лариса Малюкова. Игрушечные истории Марии Муат (2003) // «Искусство кино», 2003.06.30].

В **заключении** излагаются итоги и результаты исследования.

В качестве наиболее значимых результатов можно отметить следующие:

- отмечено, что эмоциональный концепт СТРАХ, в основе которого лежит эмоция, может обладать как универсальными, так и этноспецифичными чертами;

- зафиксированы качественные и количественные несоответствия номинантов эмоции страха в немецком и русском языках. Анализ лексикографических источников показал, что в качестве синонимов слова „Angst“ в немецком языке выступают 87 наименований, в то время как в русском языке было обнаружено 29 словарных единиц;

- описано лексико-семантическое поле эмоционального концепта ANGST, включающее в себя ядро, околождерную зону, ближайшую, дальнюю и крайнюю периферии. Особенность данного лексико-семантического поля заключается в том, что синонимические единицы расположены по мере убывания интенсивности выражения страха;

- выделено девять тематических групп в результате анализа фразеологических единиц в немецком и русском языках, объективирующих эмоциональное состояние страха в сопоставляемых лингвокультурах;

- построена лингвокогнитивная модель эмоционального концепта СТРАХ в лексико – фразеологической системе немецкого и русского языков;

- проведен психолингвистический эксперимент, анализ результатов которого представил полную картину об особенностях данного концепта, его признаках в сознании представителей различных языковых коллективов;

- определено, что не все фразеологические единицы, приведенные в лексикографических источниках, находят отражение в публицистическом дискурсе;

- выявлено, что в немецко– и русскоязычных публицистических текстах помимо фразеологических единиц и паремий, обнаруженных нами в словарных статьях, встречаются также окказиональные выражения, актуализирующие маркер страха в контексте исследуемого текста;

- установлено, что характерным для немецкого языка является употребление сложных слов (композигов), вербализующих концепт Angst, что находит воплощение в публицистическом дискурсе. Подобных примеров в русскоязычных публицистических текстах обнаружено не было.

Основное содержание диссертации изложено в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Булатова А.М. Метафора как средство реализации эмоции Angst в немецком языке / А.М.Булатова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Изд-во «Грамота», 2013. – №6 (24): в 2-х ч. Ч.І. – С. 49 - 56.

2. Булатова А.М. Анализ синонимического ряда концепта Angst в немецком языке / А.М.Булатова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Изд-во «Грамота», 2013. – №9 (27): в 2-х ч. Ч.ІІ. – С. 51 - 54.

3. Булатова А.М. Лексико-семантическое поле эмоционального концепта „Angst“ в немецком языке / А.М.Булатова // В мире научных открытий. – Красноярск: Изд-во ООО «Научно-инновационный центр», 2014. – №3.2 (51). – С. 1054 - 1061.

4. Булатова А.М. Фразеологические средства репрезентации эмоционального концепта ANGST в немецком языке / А.М.Булатова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – Челябинск: Изд-во Челябинского государственного педагогического университета, 2014. – №5. – С. 211-219.

Статьи и тезисы, опубликованные в сборниках научных работ и материалах научных конференций:

5. Булатова А.М. Лингвокультурологические особенности концепта Angst в современной немецкой прозе / А.М.Булатова // Материалы научно-образовательной конференции студентов Казанского государственного университета. – Казань: изд-во Казанского университета, 2010. – С. 191 - 193.

6. Булатова А.М. Фразеология как материал изучения лингвокультурологии и средство языковой реализации / А.М.Булатова // Материалы III Общероссийской научно-практической конференции «Современные исследования социальных проблем». – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2010. – Вып. 2. – С.36 - 38.

7. Булатова А.М. Особенности выражения концепта «человек» в языковой картине мира / А.М.Булатова // Материалы II Всероссийской научной конференции «Научное творчество XXI века» с международным участием. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2010. – №4 (10) часть 12. – С. 116 - 118.

8. Булатова А.М. Linguokulturologisches Konzept Angst in der modernen deutschen Prosa / А.М.Булатова // Материалы международной научно-практической конференции «Германистика на рубеже тысячелетий». – Наб.Челны: Нижегородский государственный университет им. Н.А.Добролюбова, 2010. – С. 12 - 15.

9. Булатова А.М. Способы реализации концепта Angst в немецкой прозе / А.М.Булатова // Сборник материалов в журнале «Молодой ученый». – Чита: Изд-во «Молодой ученый», 2011. – С. 141 - 143.

10. Булатова А.М. Этимология концептов «страх» – „Angst“ / А.М.Булатова // Материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Германистика сегодня: контексты современности и перспективы развития». – Казань: Изд-во Казанского университета, 2012. – С. 144 - 149.

11. Булатова А.М. Лингвокультурологический анализ лексикографических примеров, иллюстрирующих характеристики концепта «страх» – „Angst“ в русском и немецком языках / А.М.Булатова // Материалы международной конференции «Русская и сопоставительная паремиология». – Казань: Печать-сервис-XXI век, 2013. – С. 41 - 46.
12. Булатова А.М. Эмоция Angst в немецком языковом сознании / А.М.Булатова // Materialien zum wissenschaftlichen Seminar der Stipendiaten der Programme „Michail Lomonosov“ und „Immanuel Kant“ 2012/2013. – Moskau: Deutscher akademischer Austauschdienst (DAAD) – Ministerium für Bildung und Wissenschaft der RF, 2013. – С. 102 - 105.
13. Булатова А.М. Глагольные метафоры как средство репрезентации концепта Angst в немецком языке / А.М.Булатова // Материалы общероссийской научно-практической конференции с международным участием «Современные исследования социальных проблем». – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2013. – №1 (13)/2013. – С. 78 - 83.
14. Bulatova A.M. Adjektivmetapher als Repräsentationsmittel des Konzepts „Angst“ in der deutschen Sprache / A.M.Bulatova // The First International Congress on Social Sciences and Humanities. – Vienna: „East West“ Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, 2013. – P. 191 - 194.
15. Булатова А.М. Языковая метафора: грамматика и семантика / А.М.Булатова // Материалы итоговой научной конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов отделения русской и зарубежной филологии Казанского государственного университета. – Казань: Печать-сервис-XXI век, 2014. – С. 22 - 28.